

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Глуховский А.С., Сергиенко А.Ю. Роль концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру и возможность его применения в исследованиях технологий // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.74027 EDN: TYUENP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74027

Роль концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру и возможность его применения в исследованиях технологий

Глуховский Андрей Сергеевич

ORCID: 0000-0003-0052-0180

преподаватель; институт международного развития и партнерства; Университет ИТМО аспирант; Центр практической философии "Стасис"; Европейский университет в Санкт-Петербурге

197101, Россия, г. Санкт-Петербург, Петроградский р-н, Кронверкский пр-кт, д. 49

✉ glukhovsky.andrew@gmail.com

Сергиенко Алексей Юрьевич

аспирант; Центр практической философии «Стасис»; Европейский университет в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А

✉ asergienko@eu.spb.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.74027

EDN:

TYUENP

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Дата публикации:

11-04-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию концепта «абдукции агентности», задействованного бразильским антропологом Эдуарду Вивейрушем де Кастру в его

концепции индейского перспективизма. В статье утверждается и доказывается, что понимание «абдукции агентности» Вивейрушем де Кастру отличается от того, как его понимает автор этого концепта, британский антрополог Альфред Джелл. Предметом исследования выступает концепт «абдукции агентности», рассмотренный в контексте его неоднозначного понимания двумя этими антропологами. Основная цель работы — прояснить смысл, функции и специфику этого концепта в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру. Такое прояснение позволяет продемонстрировать потенциал концепта «абдукции агентности» для философско-антропологического анализа взаимодействия человека с технологиями, что является одной из задач статьи. Другими задачами являются, во-первых, описание общего смысла концепта абдукции путем обращения к работам Чарльза Сандерса Пирса, Грегори Бейтсона, Умберто Эко, Лоренцо Маньяни и Резы Негарестани; во-вторых, выявление роли концепта «абдукции агентности» в работах Джелла; а в-третьих, доказательство того, что понимание «абдукции агентности» Вивейрушем де Кастру преодолевает критику этого концепта со стороны британского антрополога Тима Ингольда. Методологическая основа включает историко-герменевтический анализ абдукции в истории философии (от Ч. С. Пирса до современных авторов) и критически-объективное сопоставление трактовок Джелла и Вивейруша де Кастру. Научная новизна статьи заключается в систематизации концепта «абдукции агентности», что устраняет пробел в исследованиях творчества Вивейруша де Кастру и открывает перспективы для его интеграции в философию техники и этику искусственного интеллекта. Практическая значимость работы связана с возможностью использования концепта для моделирования нелинейных взаимодействий человека с технологиями, где гипотезы формируются в процессе динамической адаптации к изменчивым условиям. Выводы статьи ставят под сомнение критику Ингольда, демонстрируя, что «абдукция агентности» в трактовке Вивейруша де Кастру не противоречит идее творчества как импровизации, а, напротив, обогащает её, предлагая новый инструмент для междисциплинарных исследований. Другим значимым результатом статьи является демонстрация возможности применения концепта «абдукции агентности» в модели описания взаимодействия человека с технологиями, в частности с искусственным интеллектом.

Ключевые слова:

абдукция агентности, индейский перспективизм, Вивейруш де Кастру, Альфред Джелл, Тим Ингольд, творчество, импровизация, селективная абдукция, манипулятивная абдукция, искусственный интеллект

Введение

Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру в книге «Каннибальские метафизики» и в статье «Обмен перспективами» при описании своей концепции индейского перспективизма задействует концепт «абдукции», который он вслед за английским социальным антропологом Альфредом Джеллом конкретизирует как «абдукцию агентности» [\[1, 2\]](#). При этом Вивейруш де Кастру оставляет оба концепта без дальнейшего развития и объяснения всех деталей их применения в изучении принципов индейского мышления. Несмотря на то, что первое исследование абдукции было осуществлено американским логиком и родоначальником прагматизма Чарльзом Сандерсом Пирсом во второй половине XIX века, часть её свойств, принципов функционирования и правил применения всё еще не уточнены в достаточной для

выработки единой позиции относительно её природы степени [3]. Так, финский логик Яакко Хинтика в конце 20 века называл абдукцию центральной проблемой современной эпистемологии [4], что подтверждается и сегодня в исследованиях способов реализации абдукции в искусственном интеллекте, которые сталкиваются с рядом затруднений при формализации процесса выдвижения и принятия гипотез [5, 6]. Наличие множества различных подходов к абдукции требует прояснения того, как автор, задействующий этот концепт в своих текстах, сам понимает его. Вивейруш де Кастру же не осуществляет такого прояснения.

Отсутствие исчерпывающей конкретизации концепта «абдукции агентности», который в работах Вивейруша де Кастру принимает несколько другое значение, нежели в книге Джелла «Искусство и агентность», приводит к излишним затруднениям в понимании творчества бразильского антрополога. В связи с этой проблемой основной целью этой статьи является прояснение роли концепта «абдукции агентности» в индейском перспективизме Вивейруша де Кастру. Для её выполнения мы сначала описываем обобщенное понимание абдукции в логике и философии, обращаясь к работам Чарльза Сандерса Пирса, Грегори Бейтсона, Умберто Эко, Лоренцо Маньяни и Резы Негарестани. Затем мы демонстрируем, какой смысл вкладывает Альфред Джелл в свой концепт «абдукции агентности». Далее, опираясь на полученный в ходе двух первых шагов материал, определяем место «абдукции агентности» в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру и отвечаем на вопрос о том, зачем он использует этот принцип. В завершении статьи мы описываем возможный вариант применения концепта «абдукции агентности» в качестве элемента модели описания взаимодействия человека с технологиями в сложных и динамических социотехнических системах. Возможность выполнения этой задачи открывается благодаря достижению основной цели нашей статьи.

Таким образом, предметом нашего исследования выступает концепт «абдукции агентности» в контексте его неоднозначного понимания двумя антропологами – Джеллом и Вивейрушем де Кастру. Методами исследования выбраны историко-герменевтический и критически-объективный: первый метод направлен на изучение концепта абдукции в истории логики и философии, а второй на сопоставление двух пониманий концепта «абдукции агентности» для их более детального прояснения, а также при описании использования этого концепта в философско-антропологических исследованиях технологий. Научная новизна статьи определяется тем, что до сих пор в отечественной и зарубежной литературе отсутствует отдельное и систематизированное исследование концепта «абдукции агентности». Такое положение дел препятствует дальнейшему развитию этого концепта и полноценной демонстрации его важности для современной философской антропологии, а также философии и этики науки и техники.

Наше исследование вступает в дискуссию со влиятельной статьёй другого современного британского антрополога Тима Ингольда «Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов», а именно с утверждением об ошибочности определения творчества как абдуктивного процесса [7, с. 44-45]. Исходя из этого утверждения, Ингольд обвиняет Джелла в редукции творческого процесса к абдукции, а жизни к агентности. Абдукцию он определяет как движение от объекта «через последовательность antecedentных условий до беспрецедентной идеи в разуме агента» [7, с. 44]. Такое движение он называет движением «назад», тогда как творческая активность – это движение «вперед». Основой творческого процесса вместо абдукции Ингольд видит импровизацию, которую он, опираясь на концепт «линии ускользания»

Делеза и Гваттари [\[8\]](#), определяет как следование постепенно разворачивающимся путям мира. Эти пути, линии ускользания, не структурированы, а смешаны в сплетение, и поэтому следование за ними — это импровизация, творческий процесс, не предполагающий возможности заранее подготовиться и определить нужный маршрут следования. Ингольд спорит с Желлом в контексте искусства, так как последний описывает концепт «абдукции агентности» преимущественно в этой сфере. И если рассматривать абдукцию только так, как её понимает Желл, то согласиться с утверждениями Ингольда можно. Тем не менее, более детальное изучение абдуктивного процесса демонстрирует, что он соответствует описанному Ингольдом творческому процессу, основанного на импровизации. Более того, в тексте Желла также обнаруживаются аспекты абдукции, выходящие за пределы контекста искусства, которые сигнализируют о том, что он наделяет её более широким значением, нежели движение от объекта к идее в разуме агента. Эти аспекты самим Желлом не прояснены в достаточной степени, что затрудняет их понимание. В большей мере соответствие «абдукции агентности» пониманию Ингольда творческого процесса демонстрируется в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру.

Общий смысл абдукции как базовой операции рассуждения.

Впервые подробное описание абдукции как вида простого умозаключения произвел американский логик Ч. С. Пирс. Основной смысл нового термина, обозначающего вид гипотетического вывода, Пирс выразил в следующем определении: «Абдукция есть метод формирования общего предсказания без какого-либо положительного свидетельства в пользу того, что оно сбудется при некоторых обычных или даже совершенно особых обстоятельствах» [\[9, с. 72\]](#). Главной особенностью абдукции, позволяющей дифференцировать её от дедукции и индукции, является возможность выдвижения правдоподобных гипотез и использование их в качестве шагов рассуждения. С точки зрения европейской логики абдуктивный вывод обладает меньшей степенью убедительности, но зато имеет большую область применения в сравнение с остальными базовыми умозаключениями. Тех данных, которых оказывается недостаточно для построения индуктивного или дедуктивного рассуждения, может оказаться вполне достаточно для абдуктивного вывода. Такая способность абдукции функционировать в условиях недостатка знаний и данных приравнивается Пирсом к озарению и интуиции [\[10, с. 314\]](#).

Можно дать следующее общее определение абдукции: она есть один из мыслительных процессов человека, особенностью которого является способность к выдвижению и принятию гипотез, объясняющих ту или иную ситуацию. Пропуски в рассуждении, возникающие из-за недостатка информации, заполняются выдвинутыми гипотезами, которые субъекту рассуждения кажутся оптимальными и правдоподобными в каждом конкретном случае. Так абдукция понимается именно в её прагматическом ключе, согласно которому она является инструментом объяснения в условиях недостатка информации, который позволяет субъекту рассуждения выбирать из нескольких возможных правдоподобных гипотез наиболее подходящую для достижения конкретных целей согласно некоторому набору критериев.

В более широком значении абдукцию понимал английский антрополог и философ Грегори Бейтсон. Для него абдукция являлась центральным процессом не только человеческого мышления, но и мышления вообще, так как он утверждал, что никакое мышление невозможно без абдукции [\[11, с. 136\]](#). Исходя из этого убеждения, Бейтсон определяет важнейшие проявления деятельности человеческого разума как

совокупности абдукций. В качестве примеров он приводит метафоры, сновидения, притчи, аллегории, искусство, науку, религию, поэзию, тотемизм [\[11, с. 136\]](#). Такое понимание абдукции резко резонирует с утверждением Ингольда о принципиальной разнице между абдукцией и творческим процессом. Для Бейтсона этой разницы нет, так как он принимает принципиально неопределенную составляющую абдукции, которую он сам называет загадочной и которую Пирс отождествляет с озарением и интуицией. Ингольд же видит в абдукции преимущественно формализованный и логически объяснимый процесс, в котором принципиально не может возникнуть возможности для импровизированного творчества.

Современные философские исследования абдукции различают несколько видов абдукции, что позволяет продемонстрировать её встроенность как в теоретическую, так и в практическую деятельность, в том числе и в творческий процесс. Так, итальянский философ Лоренцо Маньяни выделяет два основных вида абдукции: селективная и манипулятивная [\[12\]](#). Селективная абдукция происходит на теоретическом уровне, в тех случаях, когда необходимо выбрать наиболее подходящую гипотезу, объясняющую какое-либо явление. То есть селективная абдукция соответствует общему пониманию абдукции у Пирса. Маньяни определяет селективную абдукцию как процесс вывода гипотез, которые объясняют некоторые явления или открывают новое знание, то есть являются необходимыми элементами научного творчества. В отличие от селективной абдукции манипулятивная абдукция является видом внетеоретического поведения в условиях недостатка информации, выдвижение гипотез в котором осуществляется в рамках практической деятельности. Субъект поведения, сталкивающийся с аномалией, может автоматически принять гипотезу, объясняющую эту аномалию, без того, чтобы производить осознанное рассуждение [\[13, п. 11\]](#). Пирс также указывает на такую встроенность абдукции в практическую деятельность человека, приводя в качестве примера процесс восприятия текстуры ткани или тональности мелодии, который осуществляется не мгновенно, а последовательно, путём сравнения ощущения одного момента с ощущением другого [\[14, с. 26\]](#). Абдукция позволяет связать разные моменты ощущения текстуры ткани через предугадывание смены различных элементов узора. То же самое происходит при прослушивании мелодии, когда различные интенсивности вибраций складываются в некоторую тональность. Таким образом, описание практической важности абдукция демонстрирует, что она является неотъемлемым элементом взаимодействия человека с действительностью.

В таком же ключе абдукцию понимает философ Реза Негарестани, который определяет её как важный элемент логики открытия и объяснения аномалий, а также взаимодействия со сложными и динамическими системами [\[15, с. 10\]](#). Негарестани отмечает, что всем видам абдуктивного рассуждения свойственны три основные характеристики: немонотонность, динамичность и неформальность. Абдукция для Негарестани является частью творческого процесса экспериментирования, действия и понимания в условиях недостаточной информации [\[15, с. 10\]](#). Такая особенность абдукции отмечается и в её семиотическом значении, которое было задано Умберто Эко. Согласно его определению, абдукция является предварительным и гипотетическим установлением системы правил сигнификации, согласно которым определенным знакам может быть присвоено значение [\[16, п. 40\]](#). То есть семиотическое определение абдукции указывает на то, что некоторые знаки, у которых еще отсутствует значение, мотивируют субъекта рассуждения произвести процедуру абдукции, в результате которой этому знаку будет дано значение в качестве предварительной гипотезы. Такие знаки Эко, вслед за стоиками, называет индикативными знаками. Это общее понимание абдукции Эко

применимо ко всем её видам, в том числе и к рассмотренным нами селективной и манипулятивной абдукциям, так как индикативные знаки могут мотивировать как теоретическое размышление, так и некоторые практические действия. Именно такое семиотическое понимание абдукции легло в основу концепта «абдукции агентности» Джелла.

Концепт «абдукции агентности» Альфреда Джелла.

Первая часть концепта «абдукции агентности», а именно общее значение операции абдукции, понимается Джеллом в соответствии с приведенными выше дефинициями Пирса и Эко. Общая схема функционирования абдуктивного рассуждения для Джелла начинается с обнаружения индикативного знака, то есть естественного знака, на основании которого наблюдатель может сделать некоторый каузальный вывод [\[17, p. 13\]](#). Индикативный знак не обладает значением и поэтому мотивирует процесс означивания. После обнаружения индикативного знака человек отыскивает наиболее правдоподобную причину появления этого знака и переходит к заключению, которое утверждает некоторое гипотетическое явление как факт. Джелл приводит пример с дымом, который выступает как индикатор огня: человек при виде дыма заключает о наличии огня. При этом Джелл отмечает, что дым вызывается не только огнем, то есть правило «если есть дым, то есть и огонь» не является общезначимым. Следовательно, ход рассуждения от дыма к огню в этом случае не может быть индуктивным или дедуктивным, а только абдуктивным.

Вторая часть концепта, то есть агентность, понимается Джеллом следующим образом: «Агентность приписывается тем лицам (и вещам), которые рассматриваются как инициаторы каузальных последовательностей определенного типа, то есть событий, вызванных актами разума, воли или намерения, а не простым объединением физических явлений. Агент — это тот, кто "заставляет события происходить" поблизости от него» [\[17, p. 16\]](#). То есть агентность приписывается людям и вещам, когда утверждается, что они выступают в качестве причины некоторой последовательности причинно-следственных событий. Важным здесь является то, что Джелл приписывает способность быть агентом любым вещам, например, детской кукле, планете или автомобилю. Джелл отмечает, что можно показать разницу между агентами-людьми и агентами-вещами, но в целом механизм работы агентности от этого не изменится, так как агентность может быть назначена людям и вещам чрезвычайно разнообразными способами.

Таким образом, концепт «абдукции агентности» Джелла означает процесс рассуждения, в результате которого конкретному объекту (человеку, животному, предмету) атрибутируется осознанная ответственность за некоторые явления, происходящие непосредственно возле него. Такой процесс начинается с обнаружения индикативного знака, например улыбки человека или поломки автомобиля, которому затем приписывается значение, согласно которому этот знак становится сознательным намерением конкретного объекта (человека и автомобиля) и выражает определенные устремления этого объекта, вызвавшие появление обнаруженного знака (доброжелательность человека и злонамеренность автомобиля). Джелл отмечает, что «абдукция агентности» обеспечивает нам доступ к «другому разуму» [\[17, p. 15\]](#). Этот тезис будет особо важен при обсуждении того, как Вивейруш де Кастру использует концепт «абдукции агентности», так как в случае индийского перспективизма в этом аспекте есть существенные отличия.

В таком описании концепта «абдукции агентности» Джелла преимущественно

обозначается только селективная абдукция, так как речь идет о процессе рассуждения. Именно поэтому Джелл говорит об абдукции как о доступе к «другому разуму»: наиболее подходящим объяснением некоторой ситуации является наличие определенных намерений у других людей или вещей. Агент рассуждения, не имея достаточной информации для другого способа объяснения, решает для себя, что человек или вещь именно так и хотели поступить. «Абдукцию агентности» можно рассмотреть и как вид манипулятивной абдукции, то есть как некоторую практическую деятельность, осуществляемую без предварительного осознанного процесса рассуждения. Сам Джелл не делает этого в явном виде, но есть возможность эксплицировать такой аспект «абдукции агентности» из его текста, так как он приводит примеры, подтверждающие наличие практической составляющей этого процесса. В случае с поломкой автомобиля реакцией человека на этот индикативный знак может быть действие, наказывающее автомобиль (например, пнуть по колесу, или ударить по приборной панели) за его осознанное намерение сломаться. Такая реакция может происходить без ясного и отчетливого процесса рассуждения и осознанного утверждения гипотезы о злонамеренности автомобиля, то есть не как селективная абдукция, а как манипулятивная. Можно сказать, что таким действием человек преследует цель психологической разгрузки путем снятия с себя ответственности за несвоевременное техническое обслуживание автомобиля. Примеры проявления «абдукции агентности» как действия можно обнаружить в различных ситуациях, когда индикативный знак мотивирует в первую очередь практическую деятельность человека, а не рассуждения. Означивание знака проходить в результате действия, а не мысли. Экспликация этого практико-ориентированного аспекта «абдукции агентности» демонстрирует, что концепт Джелла может соответствовать пониманию Ингольдом творческого процесса импровизированного следования за путями мира. В акте манипулятивной «абдукции агентности» человек взаимодействует с вещью как с живой, наделенной собственной волей и способной нести ответственность за свою деятельность. Индикативные знаки, которые вещь посылает человеку, можно интерпретировать как пути жизни, понятые в семиотическом ключе. Тем не менее, Джелл не проясняет этот аспект «абдукции агентности», концентрируясь на её формально-логической составляющей, что позволяет согласиться с критикой Ингольда, которая, при этом, не может быть применена к пониманию «абдукции агентности» Вивейруша де Кастру, так как последний встраивает её не только в модель описания мышления индейцев, но и в модель описания их практической деятельности.

«Абдукция агентности» в индейском перспективизме Эдуарду Вивейруша де Кастру.

После описания общего смысла абдукции и концепта «абдукции агентности» Джелла стало возможно прояснить то, как и зачем Вивейруш де Кастру применяет этот концепт в своей концепции индейского перспективизма. Так, он пишет: «Истинное [шаманское] познание стремится раскрыть максимум интенциональности за счет процедуры систематической и умышленной «абдукции агентности» [\[1, с. 28\]](#). Для индейского шамана познавать мир вокруг означает «персонифицировать», то есть «занимать точку зрения того, что должно быть познано» [\[1, с. 28\]](#). Что бы познать нечто шаману (как и всем индейцам) необходимо сначала это нечто агентировать и наделить его интенциональностью, а затем самому встать на то место, от куда разворачивается перспектива познаваемого нечто. Вивейруш де Кастру приписывает принципу «абдукции агентности» универсальный характер, так как именно устремление как можно больше расширить агентность характеризует мышление шамана. То что не поддаётся процедуре «абдукции агентности» для шамана является незначительным и неинтересным. Такая

универсализация интенциональности призвана не только агентировать каждый объект познания, но и сделать это в наибольшей степени: «Хорошей интерпретацией, таким образом, будет та, которая способна понять каждое событие как истинное действие, выражение интенциональных состояний или предикатов некоторого субъекта. Успех интерпретации прямо пропорционален степени интенциональности, которую знающий способен приписать известному» [2, p. 469]. Джелл исключает многие объекты из области применения своего концепта, тогда как для Вивейруша де Кастру «абдукция максимума агентности» распространяется на все, что хоть каким-то образом может быть «персонифицировано».

Абдукция, в таком случае, выступает не просто вспомогательным инструментом индукции и дедукции, поставляющим гипотезы в условиях недостатка информации. У Вивейруша де Кастру она становится базовым принципом индейского мышления, благодаря которому вообще возможен шаманизм, понимаемый Вивейрушем де Кастру следующим образом: «Индийский шаманизм можно определить как проявляемую некоторыми индивидами способность переходить телесные границы, разделяющие виды, и занимать точку зрения иновидовых субъективностей, дабы уладить отношения между ними и людьми» [1, с. 27]. Это определение проливает свет на ключевое различие между европейской и индейской «абдукцией агентности». Для того, чтобы нечто познать, необходимо посмотреть на мир с его позиции, то есть овладеть его перспективой. Эта процедура предполагает переход между телами, так как перспектива, точка зрения – это способность именно тела. Поэтому и абдукция должна обеспечивать шаману не доступ к «другому разуму», как это было у Джелла», а доступ к «другому телу»: «Европейский праксис заключается в том, чтобы «производить души» (и различать культуры) на основании телесно-материальной данности (природы); туземный праксис состоит в том, чтобы «производить тела» (и различать виды) на основании данного социо-духовного континуума» [1, с. 20]. Смысл этого утверждения Вивейруш де Кастру демонстрирует на примере из истории завоевании Америки, описанном Леви-Строссом в «Рассе и истории»: в то время как испанские завоеватели исследовали вопрос о том, есть ли у туземцев душа, сами индейцы с Больших Антильских островов исследовали вопрос о том, есть ли у белых людей тела. Для этого они скидывали тела пленных испанцев в воду, чтобы проверить, гниют ли они [18, с. 329]. Этот пример важен для нашего исследования, так как он демонстрирует функционирование «абдукции агентности» в индейском перспективизме, причем одновременно и в мышлении, и в праксисе. Гниение тела — это индикативный знак, мотивирующий абдукцию приписать белому человеку агентность, то есть телесность. Гипотеза об агентности проверяется индейцами экспериментальным способом путем практической деятельности. Таким образом они «производят тела» в процессе познания испанских завоевателей одновременно и в мышлении, и в практической деятельности. Само познание складывается из двух этих процессов, и «абдукция агентности» проявляется в них обоих: сначала как селективная абдукция (выбор гипотезы о наличии тела), а затем как манипулятивная (сбрасывание тел). Только после удостоверения в том, что у объекта перед тобой есть тело, возможна дальнейшая универсализация интенциональности. Поэтому «абдукция агентности» является первым шагом в индейском процессе персонификации, то есть выступает базовым принципом познания мира.

Поскольку для Джелла «абдукция агентности» является доступом к «другому разуму», то справедливым является указание на то, что она осуществляется на теоретическом уровне. В концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру «абдукция агентности» осуществляется одновременно на теоретическом и практическом уровнях.

Шаманизм – это режим мышления, но также и праксис, осуществляемый как переход между телами. При таком рассмотрении пример Джелла о наказании автомобиля ударом также является проявлением «абдукции агентности» как праксиса, только не связанного с теоретической составляющей, так как решение о таком наказании принимается неосознанно. Поэтому такое действие не является способом познания, а также слабо попадает под определение творчества Ингольда. «Абдукция агентности» в индейском перспективизме Вивейруша де Кастру, напротив, встроена в процесс познания. Гипотеза о телесности и на теоретическом уровне, и на практическом является элементом творческого процесса, так как удостовериться в наличии тела можно различными способами, но индейцами из истории Леви-Стросса по некоторым причинам был выбран именно такой. Абдукция здесь выступает основным элементом творческой деятельности, так как именно посредством неё производится новый способ познания. Эта характеристика абдукции позволяет Вивейрушу де Кастру использовать её при описании индейского мышления, так как она показывает, что одни и те же явления могут быть поняты с разных точек зрения различными способами, которые при этом не теряют своей легитимности в пределах конкретной перспективы. Каждая точка зрения, каждая перспектива – это совокупность абдукций по Бейтсону. Среди них выделяются основные и второстепенные. Для индейского мышления «абдукция агентности» является основополагающей, но не единственной. Вивейруш де Кастру об этом не пишет, что также затрудняет понимание роли «абдукции агентности». Тем не менее, более детальное определение этой роли демонстрирует то, что так понятая «абдукция агентности» соответствует определению творчества Ингольдом. Индейское познание – это творческий процесс, в терминах Ингольда его можно определить как следование путям мира. Сбрасывание тел испанцев в воду является импровизацией, так как это новое действие осуществляется как абдуктивная гипотеза об агентности и представляет собой определенный шаг на пути познания мира.

О дальнейшей возможности применения концепта «абдукции агентности» в философско-антропологических исследованиях технологий.

Исследование роли концепта «абдукции агентности» в концепции индейского перспективизма Вивейруша де Кастру позволяет выявить возможность его использования в качестве элемента описания взаимодействия человека с техникой в социотехническом коллективе. Например, можно определять как «абдукцию агентности» процесс наделяния искусственного интеллекта осознанностью или ответственностью за результаты своего функционирования, которое происходит как в явном, так и в неявном виде. В первом случае «абдукция агентности» выступает в качестве элемента стратегии взаимодействия с ИИ, преследующей определенные цели. То есть используется в таком же значении, которым её наделяет Вивейруш де Кастру. Во втором случае «абдукция агентности» функционирует также, как её описывает Джелл в примере с наказанием автомобиля.

Прояснение процедуры «абдукции агентности» в отношении к сложным технологиям, подобных ИИ, демонстрирует, что они функционируют в качестве распределенных социотехнических систем. Идея о масштабировании технологий между конкретным техническим устройством или программой и сложной социотехнической системой присутствует во многих работах по акторно-сетевой теории. Так, Аннамари Мол и Мариана де Лаэт на примере зимбабвийского втулочного насоса демонстрируют агентность технологий [\[19\]](#). В своём исследовании Мол и Лаэт указывают на то, что динамичность социотехнической системы не обязательно приводит к тому, что сама технология теряет возможность наделяться агентностью, которая здесь, как и в концепте

«абдукции агентности», означает способность актора совершать действия, производящие определенные эффекты. В социотехнической системе технологий совершается операция масштабирования: она состоит из разнородных человеческих и нечеловеческих акторов и при этом сама может выступать в качестве актора. Эту способность Мол и Лаэт и называют текучестью. Именно в этой неустойчивой эпистемической ситуации и требуется применение «абдукции агентности» для контактирования со сложной динамической системой, в функционировании которой конкретный человеческий актор сам и принимает участие. Путем абдуктивного рассуждения системе атрибутируется агентность, тем самым за ней признается способность выступать в качестве фактора в той или иной цепочке событий.

«Абдукция агентности» позволяет субъекту рассуждения схватывать в одном мыслительном акте функционирование социотехнической системы одновременно и как отдельного актора и как состоящую из различных акторов. Также она позволяет атрибутировать как всей системе так и каждому отдельному её актору агентность, а следовательно и ответственность за те или иные эффекты, вызванные их действиями [20]. При помощи «абдукции агентности» человек может участвовать в функционировании социотехнической системы и осуществлять распределенное познание, делегируя другим акторам (не только техническим) различные когнитивные функции. Концепт распределенного познания был введен английским антропологом Эдвином Хатчинсом [21] и сравнительно недавно проблематизирован в отечественной философии науки российским философом Ладой Владимировной Шиповаловой [22]. Наша статья вносит свой вклад в исследование распределенного познания, демонстрируя, что концепт «абдукции агентности» может быть задействован в качестве принципа, описывающего процесс наделения технических акторов агентностью. Этот процесс необходимо осуществляется для того, чтобы человек мог доверять результатам функционирования технологий в условиях распределённого познания, осуществляемого сложной социотехнической системой. Простым примером проявления «абдукции агентности» может послужить доверие человека часам: часто мы не сомневаемся в правильности показываемого часами времени. В более сложных технологиях этот вопрос становится более важным, так как решения, которые предлагает ИИ, могут иметь серьёзные последствия. Таким образом, «абдукция агентности» уже является неотъемлемым элементом современного мышления. Мы же считаем, что этот концепт можно и нужно развивать и прояснять в дальнейших исследованиях.

Заключение

Проведённое исследование позволило прояснить роль концепта «абдукции агентности» в работах Эдуарду Вивейруша де Кастру, а также выявить его отличие от трактовки Альфреда Желла. Если Желл рассматривает абдукцию преимущественно в контексте искусства как процесс вывода агентности из восприятия объекта, то Вивейруш де Кастру расширяет это понятие, встраивая его в свою концепцию индейского перспективизма. В его интерпретации «абдукция агентности» становится элементом описания познания, осуществляемого одновременно в мышлении и практической деятельности. Этот синтез позволяет бразильскому антропологу продемонстрировать, как индейское мышление конституируется через постоянное взаимодействие с множественными агентностями — не только человеческими, но и животными, растительными, духовными.

Критика Тима Ингольда, отвергающего абдукцию как излишнюю редукцию творчества к логическому выводу, оказывается справедливой лишь в узком понимании концепта у Желла. Однако более глубокий анализ показывает, что абдуктивный процесс, особенно

в трактовке Вивейруша де Кастру, не сводится к линейному движению от объекта к идее, а включает в себя динамическое взаимодействие перспектив, близкое к ингольдовской импровизации. Таким образом, «абдукция агентности» предстаёт не как статичный логический приём, а как динамический творческий процесс взаимодействия с изменчивой действительностью, что делает её перспективным инструментом для философской антропологии и исследований социотехнических систем.

Важным выводом статьи является также демонстрация того, дальнейшее развитие этого концепта может открыть новые пути для осмысления взаимодействия людей и технологий в условиях сложных динамических социотехнических систем. В частности, «абдукция агентности» способна стать основой для моделирования ситуаций, где человеческие и нечеловеческие акторы (например, алгоритмы или робототехнические системы) координируют свои действия в осуществлении распределенного познания. Уточнение и систематизация «абдукции агентности» позволят не только углубить понимание индейского перспективизма, но и предложить новые методологические подходы в современных междисциплинарных исследованиях — от философии техники до когнитивных наук. Наконец, преодоление редукционизма в трактовке абдукции, как показало исследование, способствует деколонизации эпистемологических рамок, открывая пространство для диалога между западной и не-западными моделями мышления.

Библиография

1. Вивейруш де Кастру, Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем, 2017. 199 с.
2. Viverios de Castro E. Exchanging Perspectives: The Transformation of Objects into Subjects in Amerindian Ontologies // *Common Knowledge*. 2004. № 10. P. 463-484.
3. Боброва А. С. Аргументативная схема для абдукции // *Дискурс*. 2023. Т. 9. № 1. С. 5-17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-5-17 EDN: EJOYEC.
4. Hintikka J. *Inquiry as Inquiry: a Logic of Scientific Discovery*. Dordrecht: Kluwer, 1999. 290 p.
5. Боброва А. С. Абдуктивный шаг в диалогах. Неформальный подход // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 5-16. DOI: 10.17223/1998863X/67/1 EDN: WZMMQW.
6. Васюков В. Л. Научное открытие и контекст абдукции // *Философия науки и техники*. 2003. № 1. С. 180-205. EDN: TREYMP.
7. Ингольд Т. Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 2 (136). С. 31-49. EDN: FQRKZM.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. М.; Екатеринбург: Астрель; У-Фактория, 2010. 895 с.
9. Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 2. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 318 с.
10. Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 1. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
11. Бейтсон Г. *Разум и природа: Необходимое единство*. Швеция: Philosophical arkiv, 2016. 214 с.
12. Magnani L. *Abductive Cognition. The Epistemological and Eco-Cognitive Dimensions of Hypothetical Reasoning*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 535 p.
13. Magnani L. *The Abductive Structure of Scientific Creativity: An Essay on the Ecology of Cognition*. Cham, Switzerland: Springer Verlag, 2017. 230 p.
14. Пирс Ч. С. *Избранные философские произведения*. М.: Логос, 2000. 448 с.
15. Негарестани Р. *Работа нечеловеческого*. Логос. 2021. Т. 31.

16. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. London: Macmillan, 1984. 242 p.
17. Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon, 1998. 271 p.
18. Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
19. Де Лаэт А., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 171-232. EDN: YMICDF.
20. Глуховский А. С., Дурнев А. Д., Чирва Д. В. Распределенная моральная ответственность в сфере искусственного // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 129-143. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143 EDN: USICEU.
21. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995. 381 p.
22. Шиповалова Л. В. Распределенное познание - аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 175-190. DOI: 10.5840/dspl20192460 EDN: XIWLNT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования предложенной к публикации статьи является концепция «индейского мышления» или так называемого «индейского перспективизма», предложенная бразильским антропологом Эдуарду Вивейруш де Кастру в книге «Каннибальские метафизики» и в статье «Обмен перспективами». В этих сочинениях задействуется концепт «абдукции агентности» английского социального антрополога Альфреда Джелла», который становится для автора статьи главным предметом анализа. Методами исследования выбраны историко-герменевтический и критически-объективный методы, сущность которых достаточно четко определена в статье и не нуждается в повторении. Целью же статьи является предположение о применимости «абдукция агентности» и «индейского перспективизма» для изучения взаимодействия человека с техникой в современном социо-техническом сообществе.

Мне представляется, что поставленные задачи автор статьи выполнил достаточно успешно. В статье, на основании работ Ч. С. Пирса, Г. Бейтсона, У. Эко и др., описывается обобщенное понимание абдукции в логике и философии. Затем объясняется, какой смысл вкладывает Альфред Джелл в свой концепт «абдукции агентности». И, наконец, определяем место «абдукции агентности» в концепции т. н. «индейского перспективизма» Вивейруша де Кастру. Вся эта работа проведена достаточно корректно и свидетельствует о хорошем знании материала.

Суть «индейского перспективизма», согласно теории Вивейруша де Кастру, заключается в том, что для индейского шамана познавать мир вокруг означает «персонифицировать» его. И это достигает благодаря процедуре «систематического и умышленного» применения «абдукции агентности». «Хорошей интерпретацией» события здесь становится та, которая «способна понять каждое событие как истинное действие, выражение интенциональных состояний или предикатов некоторого субъекта»: для того, чтобы нечто познать, шаману необходимо посмотреть на мир с его позиции, то есть овладеть его перспективой. Этот «шаманский прием», насколько я понял, проецируется бразильским автором на все индейское мышление. Конечно, такое проецирование вызывает некоторое сомнение. (Ведь можно предположить, что эта черта характерна только для "шаманского" мышления, и одинаково присуща и европейским "колдунам", и индейским). Но автор статьи не сомневается в том, что это присуще всем индейцам, из чего можно заключить, что бразильский антрополог привел достаточно аргументов для такой экстраполяции. Причем утверждается, что если в европейском культурологическом

понимании «абдукция агентности» предполагает атрибутирование объекту разума, то индейское «перспективное мышление» предполагает атрибутирование объекту тела. И во втором разделе статьи эта фундаментальная для индейского мышления черта рассматривается как новый метод философско-антропологических исследований технологий, или, говоря точнее, используется в качестве элемента описания взаимодействия человека с техникой в социо-техническом коллективе», например, с искусственным интеллектом. Нельзя не заметить, что эта часть статьи в общем-то лишь постулирует метод, не вдаваясь в его конкретизацию. Но сама постановка вопроса, на мой взгляд, является эвристически ценной.

В целом статья достаточно аргументирована и сравнительно хорошо написана. Библиография статьи представляется достаточно презентативной.

Таким образом, статья представляет несомненный научный интерес и может быть опубликована в журнале.